

ДРЕВНИЕ КОПИИ ИКОНЫ «БОГОМАТЕРЬ ВЛАДИМИРСКАЯ»

Автор сделал доклад на эту тему в далеком 1981 году на Лазаревских чтениях. В силу разных обстоятельств работа не была опубликована. За прошедшее время появилось немало статей, посвященных той же теме¹. Новое обращение к ней вызвано желанием рассмотреть вопросы, которые остались нерешенными или решены, на наш взгляд, неверно.

Начнем с относительной и абсолютной датировки двух древнейших копий. Одна из них находилась в Успенском соборе Московского Кремля², другая — в Успенском соборе Владимира³. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что обе иконы — не рядовые списки, а копии в размер оригинала (104 x 69 см.). Как увидим дальше, такие копии были единичны, они были предназначены замещать собой оригинал, когда в этом возникала нужда. Поэтому датировка их неразрывно связана с судьбой древнейшей Владимирской (Илл. 1–3).

Русские летописи сообщают о перенесении иконы XII века из Владимира в Москву в 1395 году в связи с угрозой нашествия Тамерлана. Уход Тамерлана был приписан заступничеству чудотворной иконы и необычайно поднял ее авторитет. Неизвестно, осталась ли после этого икона навсегда в Москве или же была возвращена во Владимир.

Е. Е. Голубинский доказывал, что после 1395 года икона была возвращена во Владимир и окончательно перенесена в Москву только 23 июня 1480 года. Основанием послужила найденная им надпись на псалтыри с воследованием из Троице-Сергиевой лавры: «Июня 23. Прииде чудотворная икона пречистая Богоматерь из Володимеря в град Москву 6988 (1480); того же лета приходил безбожный Ахмат с детми на реку на Угру, в осень на Покров святая Богородица; отголе уставиша сий праздник праздновати». С тех пор ежегодно 23 июня проходил крестный ход к Сретенскому монастырю, основанному на месте встречи иконы. При этом Е. Е. Голубинский

¹ Маркина Н. Д. Две иконы «Богоматерь Владимирская» начала XV в (к вопросу об изменении иконографии древнего оригинала) // Куликовская битва в культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 168–177; Гусева Э. К. Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV — начала XV веков // Древнерусское искусство. XIV–XV в. М., 1984. С. 46–58; Маркина Н. Д. О некоторых чтимых списках иконы Богоматери Владимирской // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 4–8; Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 1996. С. 252–302; Щенникова Л. А. Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVI веке: сказания и чтимые списки // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 96–103; Щенникова Л. А. «Владимирская» чудотворная икона в памятниках русской письменности XVI века // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. Вып. XI. С. 38–52; Щенникова Л. А. Икона-список «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора города Владимира // Искусство христианского мира. Сборник статей. М., 2001. Вып. 5. С. 67–84; Щенникова Л. А. Две иконы-наместницы чудотворного «Владимирского» образа Богоматери в Успенском соборе Московского Кремля // VIII Рождественские образовательные чтения. Церковные древности. Сборник докладов конференции (27 января 2000 г.). М., 2001. С. 183–212; Щенникова Л. А. Почитание чудотворной Владимирской иконы Богоматери в эпоху Дионисия и его последователей // Ферапонтовский сборник. М.; Ферапонтово, 2002. VI. С. 151–166; Щенникова Л. А. Иконы Богоматери «Владимирской» в Троице-Сергиевом монастыре и их отношение к первым чтимым спискам чудотворного образа // Искусство христианского мира. Сборник статей. М., 2002. Вып. 6. С. 123–145.

См. также работы об окладах древних икон Владимирской: Рындина А. В. Оклад евангелия Успенского собора Московского Кремля (К вопросу о ювелирной мастерской митрополита Фотия) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий. М., 1983. С. 143–167; Бобровницкая И. А. Золотой оклад с деисусным чином иконы «Богоматерь Владимирская» // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985. С. 215–234; Рындина А. В. К истории реставрации окладов иконы «Богоматерь Владимирская» в XV веке // ДРИ. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 136–147.

² Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Инв. 3229 соб. КП 554. 102 x 68 см. Раскрыта в 1920 г. Е. И. Брягиным. Сняты: на ликах — потемневшая олифа, на одеждах — запись XVIII в., на руках — запись XIX в. (Архив ГТГ. Ф. 67. № 57).

³ Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. В 2971. 102 x 69 см. Икона была раскрыта в 1918 году Г. О. Чириковым и Ф. А. Модоровым (Архив ГТГ. Ф. 68. № 192,62).

Илл. 1. Богоматерь Владимирская XII века.

Илл. 2. Богоматерь Владимирская. Около 1395 г.

Илл. 3. Богоматерь Владимирская. Около 1410 г.

Илл. 4. Богоматерь Владимирская. XII в. Оклад Фотия

справедливо заметил, что татары ушли только 11 ноября⁴. Таким образом, 23 июня празднуется не избавление от Ахмата, а именно принесение иконы в Москву. Вероятно, перенос иконы связан с угрозой татарского нашествия, а также с желанием великого князя и митрополита иметь главную святыню государства в освященном в августе 1479 года кафедральном Успенском соборе⁵.

Хотя А. И. Анисимов указал на еще два независимых источника, подтверждающих сообщение надписи на псалтыри, он все же считал временем окончательного водворения иконы в Москве 1395 год. Один из главных его аргументов — наличие во Владимире “копии” чудотворной иконы, которая заменила древний оригинал. Эту копию он, следовательно, датировал 1395 годом. Не совсем последовательно он приписывал ее одному из двух мастеров, расписавших Успенский собор во Владимире в 1408 году, то есть Даниилу Черному или Андрею Рублеву. Правда, он допускал, что древнюю икону могли неоднократно отпускать из Москвы во Владимир⁶. Следует признать, что А. И. Анисимов не привел веских аргументов в подтверждение своей точки зрения и не объяснил, почему в 1480 году торжественно встречали московскую икону, ненадолго отправленную во Владимир.

От принятия той или другой точки зрения зависит датировка древнейших копий. Если в 1395 году оригинал остался в Москве, то во Владимир послали копию, и, следовательно, владимирская икона датируется этим временем, как считал А. И. Анисимов. Но если оригинал вернули во Владимир, то копией 1395 года является московская икона. Эту точку зрения отстаивала В. И. Антонова⁷.

Ситуацию хорошо отражает любопытное сказание, пересказанное неизвестным автором в рецензии на издание: «Сказание о чудотворной иконе Богоматери, именуемой Владимирскою» (М., 1849). Рецензия была опубликована в том же 1849 г. в издаваемом историком М. П. Погодиным журнале «Москвитянин». Ввиду того, что источник рассказа до сих пор не найден, процитируем статью «Москвитянина»: «...В некоторых древних прологах случалось нам встречать такое сказание: когда по удалении Тамерлана жители Владимира стали настоятельно просить возвращения своей святыни и после отказа угрожали всеобщим ропотом и неудовольствием, великий князь, разгневавшись, засадил в железа присланных из Владимира с этой просьбой, а во Владимир послал приказ силою подавить ропот. Только что вышло это распоряжение, на другой день, пришедши к утрени в Московский Успенский собор, пономарь увидел две совершенно сходные и по внешнему украшению, и по письму иконы Богоматери. Духовенство и сам великий князь были свидетелями сего чуда и освободивши из заключения жителей Владимира, предложили им на выбор какую угодно икону»⁸.

Быть может, это поздняя недостоверная легенда или даже выдумка самого рецензента? Изложению им сказания предшествуют такие слова: «В некоторых рукописных сказаниях о Владимирской иконе Богоматери случалось нам встречать рассказ об осьми чудесах, совершившихся от сей иконы по принесении ее во Владимир, и, между прочим, одно совершившееся над супругой князя Андрея. Автор не упоминает об этих чудесах... В сказании о Владимирской иконе Богоматери не встречаем мы еще разрешения вопроса, какая же икона оставлена во Владимире. Общее мнение то, что во Владимир отдана была икона, списанная с чудотворной митрополитом Петром, в ее меру

⁴ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. Первая половина тома. С. 332–333.

⁵ Связь перенесения иконы с освящением Успенского собора отмечает Л. А. Щенникова. (Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки». С. 267). Вызывает сомнение другое ее утверждение: великий князь избрал для перенесения иконы месяц июнь, «в который греки праздновали свои победы над варварами, а сам он выступал в поход, защищая православную веру в своем Отечестве» (Там же). Такого приурочивания событий к определенным месяцам до сих пор не наблюдалось.

⁶ Анисимов А. И. Владимирская икона Божией Матери // «Seminarium Kondakovianum». Прага, 1923. С. 18–22. Перепечатана: Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года. М., 1995. С. 40–51).

⁷ Антонова В. И. Раннее произведение Андрея Рублева в Московском Кремле // Культура древней Руси. М., 1966. С. 21–25.

⁸ Москвитянин. 1849. N 7. Критика и библиография. С. 41. На эту статью первым из исследователей обратил внимание И. Э. Грабарь. (См.: Грабарь Игорь. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 196–198).

и подобие. Но в некоторых древних прологах...» (далее следует приведенный выше текст). Из этого следует, что автор рецензии знает еще не опубликованное Сказание о чудесах от иконы Владимирской Богоматери, в состав которого входит рассказ о жене Андрея Боголюбского: та благополучно родила, испив воду, которой омыли икону⁹. В таком случае можно поверить, что автор действительно читал и второе сказание.

Смысл его состоит в том, что существуют две одинаковые иконы Владимирской Богоматери, и неизвестно, какая из них первоначальная. Сказание не могло возникнуть ни в XVII веке, ни в последующее время, когда все знали единственную чудотворную Владимирскую евангелиста Луки, которая находилась в Москве. Зато проблема была весьма актуальна в 1518 году, когда в Москве встретились две почитаемые Владимирские: икона XII века и ее владимирский список. Легенда могла возникнуть и раньше, поскольку она правильно отражает те отношения, которые существовали между Москвой и Владимиром в конце XIV века: Владимир только что стал вотчиной московских князей, но сохранял свое значение стольного города и соответствующее самосознание¹⁰. В таком случае известие сказания о наличии списка, написанного вскоре после «чуда» 1395 года, заслуживает некоторого доверия.

Перейдем к датировке двух древнейших копий. Московскую копию все авторы, кроме, как сказано, В. И. Антоновой, датируют 1-й четвертью XV века¹¹. Эта датировка предложена В. Н. Лазаревым по стилистическим признакам¹². В датировках владимирской копии существуют небольшие расхождения. И. Э. Грабарь приписывал икону Андрею Рублеву и датировал 1408 годом, когда Даниил Черный и Рублев расписывали во Владимире Успенский собор¹³. С ним согласилось большинство специалистов¹⁴. Только Л. А. Щенникова считает более вероятным, что владимирская икона была написана в окружении Рублева, но несколько раньше, в конце XIV — начале XV века¹⁵. Датировка Э. К. Гусевой колеблется между первой третью XV века, 1395 и 1408 годом¹⁶. Как правило, владимирская копия считается хронологически более ранней, чем московская.

Существующие датировки вступают в противоречие с доказанным, как мне кажется, фактом возвращения чудотворной иконы XII века после 1395 года во Владимир. Получается, что москвичи вернули прославившуюся у них икону, даже не написав списка, после чего они посылают своего лучшего художника во Владимир, чтобы изготовить дубликат находящейся там же чудотворной иконы, и лишь затем пишут список и для себя, причем для его написания, как увидим дальше, используют почему-то не оригинал, а владимирскую копию. Не спасает положения и предположение Л. А. Щенниковой, что в Москве оставалась прорись владимирского списка (не оригинала!). В существовании копии, написанной по случаю «чуда» 1395 года, трудно сомневаться, независимо от того, как решается вопрос о дальнейшей судьбе иконы. Невозможно себе представить, чтобы Владимир вовсе лишился памяти о своей святыне или что Москва, где была установлена служба на «Сретение иконы Пресвятыя Богородица Владимирская», не имела хотя бы ее списка.

Взаимное отношение двух копий может быть установлено путем сравнения их между собой и с оригиналом. Оно показывает, во-первых, что обе копии чрезвычайно близки между собой,

⁹ Ключевский В. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. М., 1878.

¹⁰ Щенникова Л. А. Икона-список «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора города Владимира. С. 73.

¹¹ См.: Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года. Сборник материалов. Каталог выставки. М., 1995. № 5 (автор каталожной статьи Е. Я. Осташенко).

¹² Лазарев В. Н. Московская школа иконописи. М., 1979. С. 33. Табл. 50.

¹³ Грабарь И. Э. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918–1925 годов // Вопросы реставрации. Сб. 1. М., 1926. Перепечатка: Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 196. Далее ссылки даются по этому изданию.

¹⁴ Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966. С. 31; Смирнова Э. С. Московская икона XIV–XVII веков. Л., 1988. № 96.

¹⁵ Щенникова Л. А. Икона-список «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора города Владимира. С. 73.

¹⁶ Ср.: Гусева Э. К. Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV — начала XV веков С. 53 и Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года. Сборник материалов. Каталог выставки. № 4.

вплоть до мелких деталей: расположения складок на одеждах и ассиста, формы ассиста. Во-вторых, обе копии существенно отличаются от оригинала. Наиболее заметны отличия в направлении взгляда Богоматери, склонении ее головы и положении левой руки, не считая более мелких. Одинаковые отступления от оригинала невозможно объяснить случайностью. Либо одна из копий послужила образцом для другой, либо обе они восходят к не дошедшему до нас протографу.

Этим протографом, как считают некоторые специалисты, могла быть сама чудотворная икона с теми искажениями, которые она претерпела в результате позднейших записей¹⁷. При всей логичности этой гипотезы с нею придется расстаться: в оригинале хорошо сохранился лик Богоматери, а в слое XIII века — и концы пальцев левой руки Богоматери, касающейся плеча младенца. Невозможно себе представить, что после поновления XIII века и до конца XIV икона была еще раз записана, со значительными отступлениями от рисунка сохранных частей древней живописи, и притом следов этого поновления не сохранилось. Вообще, разновременные чинки показывают, что при всех поновлениях рисунок существенно не изменялся.

Остается только одно объяснение: одна из двух копий послужила образцом для другой. Какая именно? Очевидно, та, которая ближе к оригиналу. Московскую копию сближают с оригиналом мелкие детали рисунка, которых нет на владимирской копии: у младенца на груди виден темный треугольник каймы хитона, между левым плечом младенца и ликом Богоматери имеется просвет, левая ступня младенца расположена выше правой. Это позволяет считать владимирскую икону производной от московской¹⁸.

Датировка московской копии 1395 годом не противоречит ее стилю. Уже было замечено, что ближайшей стилистической аналогией ей являются иконы «Георгий» и «Дмитрий Солунский» из деисусного чина Благовещенского собора¹⁹. Действительно, лик Дмитрия настолько близок лику Богоматери, что может возникнуть мысль о принадлежности их одному мастеру. Здесь тот же длинный прямой нос, тяжелый подбородок, небольшие припухлые губы, поднятые к верхнему веку роговицы глаз, та же система наложения тонких белильных движков. Волосы на лбу Дмитрия лежат отдельными прядками, как у младенца во «Владимирской», одинаков рисунок ушей. Иконы благовещенского деисуса Л. А. Щенникова датирует последней четвертью XIV века, допуская возможность несколько более поздней датировки для икон мучеников²⁰, что соответствует предлагаемой мною датировке московской копии «Владимирской».

Итак, в 1395 году москвичам пришлось вернуть святыню во Владимир, написав в качестве замены копию в размер оригинала. В таком случае, как оказалась в Успенском соборе Владимира ранняя копия чудотворной иконы, также в размер оригинала (то есть предназначенная его заменять), и зачем она была нужна, если одновременно в том же соборе находился оригинал? Надобность в копии для замещения чудотворного образа могла возникнуть тогда, когда оригинал в соборе отсутствовал по какой-то причине. Такая ситуация сложилась в 1410 году. Рогожский летописец под 6919 годом сообщает: «Того же лета князи Новгородскыи с татары взяша град славный Володимерь, стол земля Русскыя, и Пречистыя

¹⁷ Гусева Э. К. Иконы «Донская» и «Владимирская» в копиях конца XIV — начала XV веков. С. 58; Щенникова Л. А. Икона-список «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора города Владимира. С. 70, 72.

¹⁸ Строго говоря, мы не знаем, как выглядели эти детали в оригинале, поскольку на их месте находятся чинки грунта более позднего времени. Однако, предположив первичность вариантов, представленных на владимирской копии, невозможно будет объяснить, почему варианты оригинала совпадают с московской копией. Л. А. Щенникова также отмечает большее сходство с оригиналом московского списка (Щенникова Л. А. Две иконы-наместницы чудотворного «Владимирского» образа Богоматери в Успенском соборе Московского Кремля. С. 186), но почему-то не делает из этого вывода о его первичности.

¹⁹ Маркина Н. Д. Две иконы «Богоматерь Владимирская» начала XV в (к вопросу об изменении иконографии древнего оригинала; Кочетков И. И. Является ли икона «Богоматерь Донская» памятником Куликовской битвы? // Древнерусское искусство. XIV—XV в. М., 1984. С. 45.

²⁰ Щенникова Л. А. Станковая живопись // Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. С. 51—56.

икону ограбиша»²¹. Тот же текст содержится в Симеоновской летописи. Софийская первая летопись под 6918 годом сообщает имена инициатора похода — нижегородского князя Даниила Борисовича и руководителей — боярина Семена Карамышева и татарского царевича Тальгча, а об иконе пишет: «в церкви святых Богородица чудотворную икону причистые Богоматере одра, злато обоимаша, и иные многы иконы обоимаша, имже и несть числа...»²² Протограф Софийской первой датируется серединой XV века²³. Самый подробный рассказ об этом событии читается в Московском летописном своде конца XV века под 1410 годом. Об иконе здесь сказано: «А они безбожнии высекоша двери церковные и вшедши в ню икону чудную святые богородица одроша и такожде и прочая иконы и всю церковь разграбиша...»²⁴ Подробный рассказ появляется, по крайней мере, к 1472 году²⁵. Речь идет, несомненно, о чудотворной иконе XII века: иначе трудно объяснить наличие на владимирской иконе драгоценного оклада и повышенное внимание летописцев к ее судьбе.

В момент набега в окрестностях Владимира находился сам митрополит Фотий, незадолго до того, 22 марта 1410 года, прибывший в Москву на митрополию. Набег случился 3 июля, а за день до того Фотий после службы в Успенском соборе Владимира уехал в свою резиденцию в окрестностях города. Узнав о набеге, он скрылся в лесистой местности. Спасение от плена можно было расценить как очередное чудо от иконы Богоматери, тем более, что приехавший с Фотием священник-грек Патрикий, поставленный им ключарем Успенского собора, был замучен татарами до смерти.

Вскоре по распоряжению Фотия приехавшими вместе с ним греческими ювелирами был сделан новый оклад на чудотворную икону, который дошел до нашего времени (Илл. 4)²⁶. Точное время изготовления оклада неизвестно, однако Т. В. Николаева считает, что он предшествовал окладу напрестольного Евангелия Успенского собора, изготовленному около 1415 года²⁷. Наложению нового оклада, несомненно, предшествовало поновление живописи иконы. Во-первых, содрать оклад, прибитый к иконной доске гвоздями, можно было только со значительным ущербом

²¹ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. С. 186.

²² ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 258.

²³ Лурье Я. С. Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические источники // ТОДРЛ. Т. XLIII. Л., 1990. С. 41.

²⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 240.

²⁵ Лурье Я. С. Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические источники. С. 54.

²⁶ А. И. Анисимов предполагал, что доска древнейшей Владимирской была наставлена со всех сторон в начале XV века для наложения фотиевского оклада (Дневник работ по раскрытию иконы Владимирской Богоматери в Большом Успенском соборе Московского Кремля, принесенной в Москву из Владимира в 1395 году // Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года. М., 1995. С. 36; Анисимов А. И. Владимирская икона Божией Матери С. 53). Совпадение размеров древнейшей иконы с наставленными полями им и копии 1395 года показывает, что поля были расширены раньше. Расширение полей логично связать с появлением нового оклада. По имеющимся сведениям, до начала XV века оклад на икону изготовлялся дважды: в 1155 году Андрей Боголюбский «въскова на ню 30 гривен золота проче серебра, проче камени дорогого и великого жемчюга» (Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 482). В 1238 году владимирский великий князь Ярослав Всеволодович восстановил и украсил образ после того, как оклад Андрея был содран татарами (Степенная книга. Ч. I. С. 541). И характер исторической обстановки в том и другом случае, и массивность оклада XII века (около 5 кг золота) заставляют думать, что икона была первоначально наставлена именно в это время.

Интересный материал для суждения об истории окладов дает один документ в архиве ГТГ. Он сообщает, что 13 октября 1930 г. икона «Богоматерь Владимирская» в результате неосторожности сотрудника галереи упала на пол, причем отскочила верхняя наставка доски. При ремонте для отделения наставки пришлось разрезать паволоку. Выяснилось, что в нижнем торце наставки меньше гвоздевых отверстий, чем в основной старой доске, из чего был сделан вывод, что до появления существующей наставки была какая-то другая. На верхнем торце старой доски обнаружилось 5 медных гвоздей и мелкие дырки от гвоздей вдоль всей доски. На наставке оказалось 2 одновременных слоя левкаса: нижний сильно загрязнен и, возможно, одновременен наставке, верхний белый. (ОР ГТГ. Ф. 67. № 424. Л. 15).

В настоящее время на наставленных, как и на первоначальных полях иконы лежит живопись 1514 года на грунте того же времени. Нижний грунт неизвестного времени, но едва ли моложе времени Фотия. В таком случае отверстия и гвозди на торце старой доски датируются более ранним временем. Из этого документа не совсем ясно, какой характер имеют старые следы крепления наставки, наличие же мелких гвоздей — след оклада, предшествующего расширению полей.

²⁷ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 175–179.

для левкасного грунта иконы. Во-вторых, еще А. И. Анисимов справедливо заметил, что фон начала XV века на древнейшей Владимирской был рассчитан под оклад, а полное совпадение контуров нижней части фигуры младенца, относящейся к этому времени, с окладом свидетельствует, что поновление предшествовало изготовлению оклада²⁸.

Поновлять икону и украшать ее окладом удобнее было в Москве, где, в отличие от Владимира, было достаточно квалифицированных мастеров для столь ответственной работы и где над ними мог быть обеспечен надлежащий контроль. К тому же после пережитого страха Владимир мог казаться не вполне безопасным местом. Вероятно, поврежденная древняя икона была затребована в Москву на реставрацию, подобно тому, как привозились иконы для этой цели в Москву в 1518 году. Это предположение подкрепляется следующим наблюдением. Относящиеся к началу XV века части древнейшей иконы до мелких деталей совпадают с московской копией 1395 года. Это можно объяснить только тем, что поновитель при реконструкции утраченных участков живописи обратился к копии 1395 года, которая всегда находилась в Москве.

Процесс поновления и изготовления оклада должен был продолжаться не один месяц. Фотию незачем было спешить. Весьма вероятно, что у него была мысль оставить оригинал в Москве: еще А. И. Анисимов считал, что Фотий не стал бы делать столь ценный оклад для иконы владимирского храма²⁹. На все это время нужно было чем-то заполнить пустующее место древней иконы в интерьере Владимирского Успенского собора. Тогда-то должна была появиться новая копия. Позднее какие-то обстоятельства заставили вернуть древнейшую икону во Владимир, и там вплоть до 1480 года в Успенском соборе соседствовали копия и оригинал. Таким образом, копию владимирского собора можно датировать временем около 1410 года. Владимирская копия повторяла более древнюю московскую и потому могла быть написана только в Москве. Интересно, что копия была сделана не с оригинала. Видимо, во Владимир поехали с готовой копией, которая должна была заменить оригинал. Неоднократно отмечалось сходство стиля владимирской копии и тех частей оригинала, которые датируются началом XV века³⁰. Еще большее сходство с оригиналом имеет московская копия, которая послужила образцом при восстановлении несохранившихся частей оригинала.

Для подкрепления датировки московской копии «Владимирской» можно также привлечь сохранившийся золотой басменный оклад с чеканным деисусом на верхнем поле (ГОП. Инв. МР-1018) (Илл. 5). Согласно описям Успенского собора, он находился на московской копии «Владимирской», названной в описи «Умилением», по крайней мере, с начала XVII века. Долгое время специалисты датировали XIII веком весь оклад или только деисус и относили его к древнейшей «Владимирской». Только В. И. Антонова допускала, что он мог быть изготовлен для московской копии. А. В. Рындина впервые обосновала отнесение деисуса мастерской митрополита Фотия и датировку его «в пределах раннего XV века»³¹. И. А. Бобровницкая в результате тщательного исследования оклада пришла к выводу, что и деисус, и древнейшие полосы золотой басмы его были созданы в конце XIV — начале XV века³².

В следующей статье А. В. Рындина существенно корректирует свое мнение: деисус был создан в мастерской не Фотия, а его предшественника Киприана (1381—1406)³³. Этот вывод пришел в противоречие с принятой ею датировкой иконы, на которой находился оклад, первой третью XV

²⁸ Анисимов А. И. Владимирская икона Божией Матери. С. 60.

²⁹ Там же. С. 49.

³⁰ Щенникова Л. А. Икона-список «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора города Владимира. С. 75.

³¹ Рындина А. В. Оклад евангелия Успенского собора Московского Кремля (К вопросу о ювелирной мастерской митрополита Фотия). С. 146—147.

³² Бобровницкая И. А. Золотой оклад с деисусным чином иконы «Богоматерь Владимирская». С. 216, 229, 233. Убедительно датируя в тексте статьи оклад концом XIV — началом XV века, в последней фразе ее автор неожиданно пишет, что оклад исполнен в начале XV века, отдавая дань принятой датировке иконы.

³³ Рындина А. В. К истории реставрации окладов иконы «Богоматерь Владимирская» в XV веке. С. 141—142

века. Тогда она предположила, что оклад был заказан Киприаном в 1395 году для древнейшей «Владимирской», но после смерти Киприана оклад был настолько разграблен, что Фотию ничего не оставалось, как изготовить новый, а остатки старого перенести на вновь написанную икону. Это были именно остатки, потому что всю басму А. В. Рындина, не приводя доказательств, датирует не ранее середины — второй половины XV века. Изготовление оклада Киприаном объясняется тем, что чудотворная икона в 1395 была навсегда оставлена в Москве, как считал А. И. Анисимов.

Это построение вызывает много вопросов. Невозможно себе представить, чтобы церковные или светские власти, воспользовавшись отсутствием митрополита, обдирали золотую басму с только что изготовленного оклада государственной святыни, находящейся в главном храме государства, и она бы стояла в таком виде до приезда нового митрополита. Фотий заказывает копию чудотворной иконы (зачем?), которая почему-то оказывается похожа не на оригинал, а на владимирскую копию, переносит на копию Деисус из старого оклада, заново изготавливает для нее золотую басму, а фрагменты прежней басмы использует для реставрации дробниц саккоса митрополита Петра (?). Заняв разоренную митрополичью кафедру весной 1410 года, Фотий приступает к изготовлению сразу двух золотых окладов, один из них — на копию, что непонятно³⁴.

Столь же невероятным кажется предположение Л. А. Щенниковой, что золотые пластины с чеканными изображениями Деисуса и часть басмы остались от старого оклада чудотворной иконы, разоренного татарами в 1410 году³⁵! Для того ли татары высекали двери соборные!

Между тем все противоречия исчезают, если принять мнение, что золотой оклад был сделан около 1395 года для московской копии, на которой он находился в начале XVII века. Но тогда придется признать, что это не просто один из списков, а именно та копия, которая должна была заместить чудотворную икону в Москве после возвращения ее во Владимир.

Этот вывод хорошо объясняет один странный факт: на протяжении всего XV века ни один список «Владимирской» не восходит ни к архетипу XII века, ни к владимирской копии его, зато все они имеют в качестве протографа московскую копию. Этот факт был замечен Л. А. Щенниковой³⁶. Он объясняется просто: московским иконописцам была доступна только московская копия, иконописание же во Владимире не шло ни в какое сравнение с московским.

Как уже сказано, композиция копии имеет такие отличия от оригинала, которые невозможно объяснить изменением композиции оригинала в процессе поновлений. Приходится признать, что изменение имеет сознательный характер. Сравним эту копию с оригиналом, чтобы понять, в каком направлении идет переработка древнего образца. В оригинале ковчег имеет более вытянутые пропорции, голова Богоматери располагается в ковчеге немного выше, чем на копии. Спадающие линии плеч Богоматери в своем движении быстро достигают боковых границ ковчега и спускаются по ним, они как будто обрезаны этими границами. От этого фигура Богоматери кажется столпообразной. В копии пропорции ковчега и сама фигура Богоматери становятся более приземистыми. Линия, идущая с правого плеча Богоматери, попадает сразу в угол ковчега, линия левого плеча достигает луги также гораздо ниже, чем в оригинале. Поскольку локоть левой руки Богоматери в оригинале поднят довольно высоко, она кажется изображенной несколько ниже пояса. Это впечатление было еще сильнее, когда пальцы левой руки располагались выше, как в слое XIII века. Богоматерь на этой иконе трудно себе представить сидящей, скорее это часть

³⁴ Неубедительным кажется предположение о том, что копия «Владимирской» была специально изготовлена для наложения киприановского оклада (мнение И. А. Стерлиговой, которое приводит Б. Н. Дудочкин (см: *Дудочкин Б. Н. Андрей Рублев. Материалы к изучению биографии и творчества.* М., 2000. С. 57). Если первоначальный оклад сохранился полностью, то непонятно, для чего понадобилось его менять; если от него остался только Деисус, то непонятно, зачем для него нужно писать копию в размер оригинала.

³⁵ Щенникова Л. А. Две иконы-наместницы чудотворного «Владимирского» образа Богоматери в Успенском соборе Московского Кремля. С. 185.

³⁶ Щенникова Л. А. Икона-список «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора города Владимира. С. 72.

изображения в рост. Если на оригинале концы пальцев рук Богоматери расположены почти на одной вертикальной линии, то на копии их взаимное положение приближается к горизонтали. Словом, образ, выдающий свое происхождение от полнофигурной композиции, русский мастер в процессе копирования превращает в привычное ему по иконам Одигитрии поясное изображение Богоматери с младенцем³⁷.

Существенно изменилось в копии смысловое соотношение Богоматери и младенца, а также их ориентированность на зрителя. Весь интерес византийской иконы заключен в Богоматери. Она прижимает к себе младенца, но обращена не к нему, а к зрителю, как будто призывая его к сопереживанию ее любви и страдания. Композиция несет отголосок наблюденной сцены, позы и жесты отличаются известной конкретностью: младенец всем телом порывисто тянется к матери, сильно подтягиваясь левой рукой и опираясь коленом левой ноги; мать держит сына правой рукой, а левой помогает ему сохранить равновесие. Их губы сближены: младенец целует мать.

В копии Богоматерь смотрит не на зрителя и не на младенца, а как бы «в себя» (это впечатление создается местоположением роговой оболочки глаза). Жест ее левой руки никак не объясняется позой младенца, это условный знак молитвенного обращения. Уже один этот жест существенно сдвигает акценты, делая смысловым центром композиции божественного младенца. Исключительно к младенцу обращена Богоматерь, отгороженная от мира зрителя направлением взгляда и более сильным, чем в оригинале, склонением головы. В этом склонении не просто жест любящей матери, но преклонение ее перед Богом. В оригинале фигура младенца почти целиком вписана в контур фигуры Богоматери — в копии она больше выступает на золотом фоне иконы и потому кажется более самостоятельной. В оригинале младенец мыслится находящимся между Богоматерью и зрителем — в копии оба они находятся на равном расстоянии от зрителя, образуя уравновешивающие друг друга стороны композиции.

Образ становится гораздо более отвлеченным. Младенец спокойно, как на троне, восседает на руке матери. Поза его менее активна: голова не так сильно запрокинута и лишь слегка касается лица матери, небольшая кисть левой руки покоится на шее Богоматери. Здесь младенец не прижимается, ласкаясь, к матери, а оба они в равной степени захвачены чувством душевной размягченности, умиления, отгораживающим их от внешнего мира. В соответствии с этим композиция становится более уравновешенной, статичной, образ — замкнутым внутри себя, порывистое движение переходит в длительное состояние. В рисунке большую роль стали играть округлые плавные линии (сравни на обеих иконах линии головы Богоматери, ее левого плеча, шеи, складки мафория у пояса).

Новое понимание образа подчас вступает в противоречие с копируемым образцом. Так, при более спокойной позе младенца положение левой ноги его, вывернутой подошвой на зрителя, кажется неоправданным, левая рука — слишком длинной. Сильное склонение головы Богоматери создает несоответствие между положением головы и формой мафория. Вообще, русский мастер гораздо меньше ценит анатомическую правильность фигур и естественность поз. Да он и не справляется с ними без поддержки образа.

Подводя итог сравнению, можно сказать, что русский мастер переработал византийский оригинал в духе своих национальных представлений и идеалов. Для этого ему пришлось изменить пропорции и силуэт, позу Богоматери, направление ее взгляда, жест левой руки, написать привычный и едва ли не обязательный на русских иконах клав на одеждах Христа, который в оригинале отсутствовал, не считая более мелких отступлений от оригинала. Не стал передавать русский художник и такую непривычную деталь, как выступающий из-под гиматия рукав нижней рубашки Христа.

Из-за фрагментарной сохранности одежд оригинала трудно сказать, насколько точно был передан в копии цвет. На одном примере можно видеть, что копиист не старался точно воспроизвести

³⁷ Полуфигурные изображения на Руси воспринимались как часть сидящей фигуры. Сравни часто встречающееся в древних описях название полуфигурного деисуса: «деисус сидячий».

цвет оригинала. Гиматий Христа в записи XIII века был темно-малиновым. А. И. Анисимов называет этот цвет пурпурным³⁸. В копии он коричневый. (Правда, в первоначальной живописи гиматий тоже был коричневым, но копиист не мог этого видеть из-за записей и сильно потемневшей олифы). На этом же примере можно видеть, что так же свободно относился к цвету и поновитель иконы. Не считает нужным копиист воспроизводить и первоначальный золотой фон с крупными киноварными надписями. Характер живописи на фоне и полях, малозаметные надписи не оставляют сомнения в том, что при написании копии она предназначалась под оклад.

Как видим, создатель копии 1395 года довольно далеко отошел от оригинала как в рисунке, так и в цвете, при соблюдении основных элементов композиции. Он поступает со своим образом так, как привык русский мастер поступать с непривычными по языку византийскими иконами: приспособливает их под свои вкусы и представления³⁹. Однако в данном случае его задачей является не следование иконографии, а создание «двойника» чудотворной иконы. Случай столь решительного обращения с чудотворным образом является единственным и требует объяснения.

До нас не дошло копий Владимирской старше 1395 года. Однако под другими названиями — Федоровская, Белозерская — сохранились варианты той же иконографии, причем древнейшие памятники этих иконографических типов датируются не позже первой половины XIII века. Существуют мнения, что оба типа есть не что иное, как та же Владимирская в ее первоначальном виде. Так, В. И. Антонова считала, что торс Богоматери первоначально «не имел акцентированного поворота влево», а фигура младенца имела другие размеры и позу: он сидел на руке Богоматери с прямым торсом и согнутыми в коленях обнаженными ногами, как на иконе «Богоматерь Белозерская» из ГРМ (Илл. 6)⁴⁰. По-иному реконструирует первоначальную композицию С. Масленицын. По его мнению, нижняя часть фигуры младенца первоначально была такой, как на иконах Федоровской Богоматери (Илл. 7)⁴¹.

Действительно, сходство верхней части композиций этих икон⁴² несомненно: общий очерк фигуры Богоматери, взгляд на зрителя, взаимное расположение фигур, положение рук младенца. На иконе «Богоматерь Федоровская — Страстная» середины XIII в. из Кашина художник пытается передать такую редчайшую для русской иконы деталь, как прозрачная кисея нижней сорочки младенца. Там же рукав рубашки имеет необычный красный цвет, напоминая малиновый цвет рукава на древнейшей Владимирской в слое XIII века.

Сравнение названных икон с древнейшей Владимирской позволяет реконструировать некоторые не дошедшие до нас детали последней. Так, например, линия спины младенца была более крутой, что подтверждается также сохранившимся фрагментом первоначальной живописи; на спине лежала складка гиматия; обнаженная часть правой руки младенца была значительно длиннее, рукав прикрывал ее немного ниже локтя; волосы были не такими пышными и голова была меньше,

³⁸ Анисимов А. И. История Владимирской иконы в свете реставрации // Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. Вып. 2. Перепечатка: Богоматерь Владимирская. С. 72. (Далее цитируется по последнему изданию).

³⁹ Примеры такого подхода на материале деисусных икон см.: Кочетков И. А. Русский полнофигурный деисусный чин. Генеалогия иконографических типов // Иконостас. Происхождение — развитие — символика / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2000. С. 442—464.

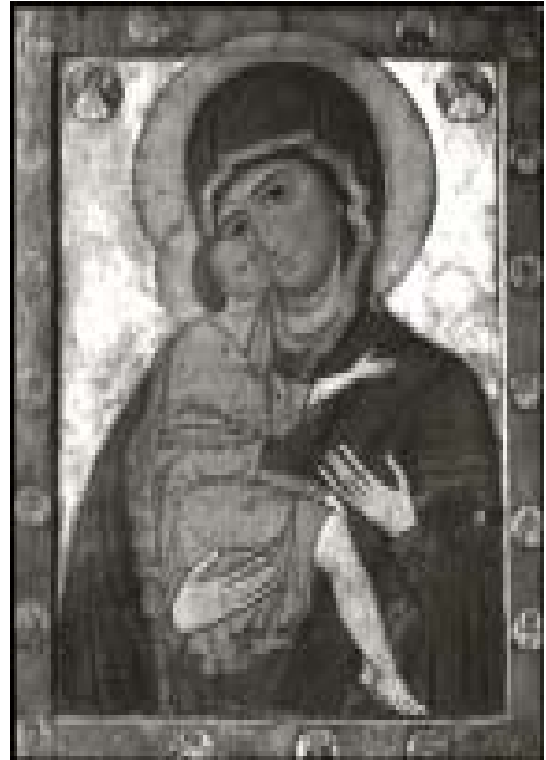
⁴⁰ Антонова В. И. К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской Богоматери // Византийский временник. М., 1961. Т. XVIII. С. 198—205.

⁴¹ Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. С. 155—166.

⁴² «Богоматерь Федоровская». Церковь Вознесения на Дебре в Костроме. Около 1239 г.(?); «Богоматерь Федоровская» из Дмитровского монастыря Кашина. Тверской музей. Инв. 367. Середина XIII в. 122x78,5 см. (Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года. Сборник материалов. Каталог выставки. Кат. 2. По изображению на полях ангелов с орудиями страстей неточно названа Страстной); Богоматерь Белозерская. ГРМ. Инв. ДРЖ 2116. 155x106,3 см. XII — первая половина XIII в. (Корина О. А. Живопись домонгольской Руси. Каталог выставки. М., 1974. Кат. 13).

Илл. 5. Богоматерь Владимирская. Оклад иконы 1395 г.

Илл. 6. Богоматерь Белозерская. XIII в.

Илл. 7. Богоматерь Федоровская

Илл. 8. Богоматерь Владимирская с праздниками и святыми («Запасная»)

что отмечал и А. И. Анисимов⁴³. На оригинале отсутствовал пояс, он появился позднее, заменив горизонтальную складку гиматия на поясище младенца.

Сравнение позволяет понять и некоторые другие изменения, происшедшие в процессе копирования. Желтую с золотым ассистом полосу рукава гиматия слева от шеи Богоматери легко было спутать с близкой по цвету лентой мафория. Когда это произошло на иконе Федоровской Богоматери, возникло несоответствие между положением левого плеча и кисти руки младенца (плечо над мафорием, а кисть под мафорием). Исправляя это несоответствие, автор Белозерской изображает кисть не на шее, а на плече Богоматери.

В целом и Федоровская, и Белозерская достаточно точно передают рисунок верхней части своего протографа — Владимирской иконы. Зато в рисунке нижней части оригинал и два списка предлагают три разных решения. Почему? Либо нижняя часть иконы по какой-то причине была недоступна для обозрения, либо вариант, предлагаемый оригиналом, был слишком сложен по рисунку, и составители списков его упрощали, каждый по-своему. Могли действовать и обе причины одновременно. В любом случае снимки чтимой иконы не были сколько-нибудь точными копиями ее, что давало большую свободу создателю московской копии 1395 года, который не был связан традицией копирования⁴⁴.

Предположение о том, что Федоровская или Белозерская могли быть иконографическими предшественниками Владимирской, кажется нам маловероятным на том основании, что рисунок Владимирской своей сложностью выдает свое происхождение от какого-то византийского образца, тогда как первые две являются результатом упрощения первоначальной композиции, что так характерно для русской иконографии. Жест левой руки Богоматери, придерживающей младенца за плечо, вполне оправдан при неустойчивом положении его фигуры, но показался бы странным при статичном положении младенца, как на Федоровской и особенно на Белозерской.

В качестве второго источника иконографии автор копии 1395 года использовал «Богоматерь Донскую», незадолго до того написанную Феофаном Греком. Об этом свидетельствует их сходство в силуэтах, рисунке ликов Богоматери и младенца, вплоть до таких мелких подробностей, как прядки волос на лбу и шее младенца. Это сходство было отмечено В. И. Антоновой⁴⁵. Копиист остается верным иконографии оригинала, но в сумме заимствованные детали значительно изменяют смысл образа. Вообще, такая яркая и независимая личность, как Феофан, могла способствовать большей смелости московского автора в иконографическом творчестве.

По мнению В. И. Антоновой, этим автором был Андрей Рублев⁴⁶. Это мнение основывается на сравнении Владимирской 1395 года с рублевской «Троицей» и отчасти иконами Звенигородского чина. Отмеченные В. И. Антоновой черты сходства в рисунке и отдельных приемах письма представляются убедительными. Важно подчеркнуть, что речь идет не столько об общестилистическом сходстве, сколько о похожести приемов выполнения отдельных элементов, где яснее всего наблюдается индивидуальность мастера. Перечень совпадающих признаков можно даже расширить: одинаковый прозрачный санкирь в тени, сквозь который проступает подкладочная охра; манера выполнения полосок тени на шее; способ написания подбородка, когда ниже проступающей сквозь прозрачный слой краски линии подготовительного рисунка идет параллельная дуга описи, а еще ниже — такая же граница тени; одинаково срезано у внутреннего угла глаза полукружие нижнего века.

Есть и отличие в личном письме, не отмеченное В. И. Антоновой. В «Троице» господствует чистая «плавь», при которой отдельные мазки кисти или слои краски не просматриваются. Во

---

⁴³ Анисимов А. И. Владимирская икона Божией Матери. С. 57.

⁴⁴ Сравнивая копию 1395 года с оригиналом, мы не забываем, что копиист видел живопись XII–XIII веков, которая в большей своей части до нас не дошла. Во всяком случае, бесспорно, что автор копии изменил силуэт (а значит и положение головы), направление взгляда, положение левой руки Богоматери.

⁴⁵ Антонова В. И. Раннее произведение Андрея Рублева в Московском Кремле. С. 24.

⁴⁶ Там же. С. 21–25.

«Владимирской» хорошо виден отдельный мазок, хотя и сплавленный с соседними. Технику «плави» особенно ценили русские художники, техника отдельного мазка преимущественно связана с памятниками византийскими и южно-славянскими. Разница между этими двумя техниками настолько значительна, что может возникнуть сомнение в том, что сравниваемые произведения написаны одним мастером. К тому же на иконе 1395 года активная подрумянка ликов, тогда как в «Троице» она едва видна. Однако отдельный мазок хорошо заметен на иконах Звенигородского чина, а яркая подрумянка на иконе архангела Михаила напоминает «Владимирскую». Икона 1395 года, звенигородские иконы начала XV века и «Троица», написанная, возможно, в 1420-е годы, в отношении техники личного письма демонстрируют переход от отдельного мазка к чистой «плавии». Не следует забывать, что Владимирскую отделяет от «Троицы» почти 30 лет, и техника, даже в творчестве одного мастера, должна была претерпеть некоторые изменения. Отметим, что во «Владимирской» XII века отдельный мазок хорошо виден на правой руке Богоматери и ножках младенца, написанных около 1411 года и, как предполагает В. И. Антонова, Андреем Рублевым. Наконец, техника отдельного мазка свойственна «Донской», которая, как уже сказано, послужила одним из источников для русского мастера. Вспомним, кстати, что с Рублевым И. Э. Грабарь и некоторые другие исследователи связывали икону мученика Дмитрия из иконостаса Благовещенского собора⁴⁷, которая, несомненно, является ближайшей стилистической аналогией московской копии Владимирской.

Для современного искусствознания Андрей Рублев — не столько художественная индивидуальность, сколько отвлеченный эталон качества. Такому критерию «Владимирская» 1395 года явно не соответствует. Этого достаточно, чтобы отвергнуть атрибуцию В. И. Антоновой. Но ее наблюдения могут понадобиться, когда начнется более конкретное изучение творчества легендарного мастера.

На иконе 1410 года, по сравнению с ее протографом 1395 года, можно наблюдать процесс дальнейшей обработки композиции: пропорции становятся более стройными, не остается следа от большеголовости московской иконы, рисунок ликов безукоризнен. Исчезает некоторая жесткость рисунка, свойственная более ранней иконе. Но основная разница — в самой манере наложения краски. Отдельный мазок сменяется прозрачными лессировками, создающими незаметный для глаза переход от тени к свету. Атмосфера задумчивого молчаливого общения матери с сыном, в московской иконе как-будто только обозначенная, во владимирской находит свое совершенное воплощение. Если верны предположения о принадлежности Рублеву обеих икон, то только в иконе 1410 года русский мастер вполне заговорил своим собственным языком. Переработка византийского оригинала завершилась, был создан национальный тип Богоматери. (Заметим, правда, что правильному суждению о живописи иконы мешает сильная потертость верхнего красочного слоя).

Как отразилось наличие двух копий в письменных источниках? Первое после 1395 года упоминание о чудотворной иконе Богоматери находим в летописных известиях о нашествии в 1408 году татарского полководца Едигея. Говоря о русских городах, отданных союзнику московского великого князя Свидригайле Олгердовичу, «Рогожский летописец» пишет: «...Даша бо ему и многославный Володимерь, еже есть стол земли Русския и град Пречистыя Богоматери..., в нем же и чудная великаа православнаа соборнаа церкви пречистыя Богоматери..., есть в ней же чудотворнаа икона Пречистыя, иже реки целеб точащи, поганыя устрашаа»⁴⁸.

Однако ниже, перечислив разоренные татарами русские города, летописец говорит о Москве: «Токмо един град Бог храняше молитвами Пречистыя его Матере и животворивыя иконы ради Ея и Петра архиепископа ради...» Перед этой иконой молятся москвичи о спасении: «Такоже и к

⁴⁷ Дудочкин Б. Н. Андрей Рублев. Материалы к изучению биографии и творчества. С. 52.

⁴⁸ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. С. 183.

животворивей иконе Пречистыя Богоматери взирающе с слезами, болезнено въпиахут: о Заступнице наша неотъступимая, еже не предаждь до конца нас в руке врагом нашим»⁴⁹. Уход Едигея летописец объясняет страхом, который напал на него после молитвы москвичей. Здесь явное сходство с «Повестью о Темир-Аксаке». Этот мотив в летописном рассказе о нашествии Едигея встречается впервые в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, текст которых с 6898 (1390) по 6920 (1412) год восходит, по мнению Я. С. Лурье, к общерусскому летописному своду 1412 года⁵⁰. В Троицкой летописи, составленной в 1408 году, об иконах Богоматери не упоминается. Более того, здесь заслуга в спасении Москвы от Едигея приписывается исключительно покровительству московского чудотворца митрополита Петра, в день памяти которого, 20 декабря, татары ушли от Москвы⁵¹. Итак, составитель летописного свода 1412 года знал две чудотворные иконы Богоматери: одну во Владимире, другую в Москве.

Если о владимирской иконе летопись пишет, как сказано выше, в связи с набегом Талыча в 1410 году, то о московской иконе не упоминается вплоть до самого конца XV века, хотя поводы для этого были. В 1451 году к Москве «изгоном» подошел татарский царевич Мазовша. Великий князь посадил в городе мать свою Софью и митрополита Иону, жену с детьми отправил в Углич, а сам пошел к Волге. Татары беспрепятственно подошли к Москве, сожгли посады и начали приступ. Защитники задыхались в дыму и не надеялись на спасение. Внезапно татары без видимой причины отступили, побросав тяжелые вещи и пленных, а пожар сам собою погас. Событие было воспринято как чудо: «...И тако приять их страх и трепет, яко велико некое въинство чающе по себе, побегоша гневом божиим и молитвами пречистыя Матери его и великих чудотворец молением и всех святых»⁵². О чудотворной иконе летописец не вспоминает, хотя приход татар совпал с праздником Положения ризы Богоматери.

В 1459 году, после счастливого избавления от набега Седи-Ахмета, митрополит Иона построил каменный придел к Успенскому собору и освятил его в честь Похвалы Богородицы, потому что татары «похвалясь» на Русь пошли. О чудотворной иконе Богоматери летопись снова не упоминает.

Чудотворная икона Владимирской Богоматери упоминается только под 6979 (1471) годом в некоторых летописях в рассказе о подготовке Ивана III к походу на Новгород: «В соборную же церковь Пресвятые владычица наша богородица приснодевы Мариа князь велики вшед к чудотворной иконе пречистые богородица Владимирьския и многа моления съвръши и слезы доволно излиа, тако же и пред образом пречистыя чудотворныя, юже сам чудотворецъ Петр написал»⁵³. Здесь «чудотворной Владимирской» названа московская копия, поскольку оригинал еще не принесен в Москву.

Как видим, после долгого (с 1408 года) перерыва московская летопись упоминает сразу о двух чудотворных иконах. Встает вопрос: какая же из них имелась в виду в 1408 году? Л. А. Щенникова считает, что икона митрополита Петра, поскольку сам митрополит упоминается в том же сообщении⁵⁴. Однако из того же факта можно сделать и противоположный вывод: летопись сообщает о двух заступниках: иконе и архиепископе Петре, не сообщая, как в 1471 году, что икона написана Петром. Но главное в другом: при таком допущении трудно объяснить, почему списки Владимирской в ее московском варианте сравнительно многочисленны в XV веке, тогда как от Петровской не дошло ни одного списка старше XVI века (если считать сохранившуюся икону

⁴⁹ Там же. С. 184.

⁵⁰ Лурье Я. С. Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические источники. С. 41.

⁵¹ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 467–471.

⁵² Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 272.

⁵³ Там же. С. 287. Этот текст встречается и в Симеоновской летописи, которая в этой части восходит к своду 1479 (1480) года. См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV в. Л., 1976. С. 122.

⁵⁴ Л. А. Щенникова считает, что здесь речь идет о древнейшей Владимирской. (Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» С. 266). Из такого допущения следует, что чудотворную икону без заметного повода привезли в Москву, после 1471 года увезли, чтобы через несколько лет снова привезти, уже навсегда. Частые перемещения чудотворной иконы кажутся нам маловероятны. Кроме того, этому противоречит тот факт, что все списки Владимирской XV века восходят к московской копии, а не к оригиналу.

конца XIV — начала XV века за архетип). Более вероятно, что в 1408 году имелась в виду икона Владимирской Богоматери, и, следовательно, икона Петра митрополита впервые упоминается в летописи в 1479—1480 году, когда составлялся летописный свод с известием 1471 года. Заметим, что летописцы называют «чудотворной» как икону-архетип, так и копию, ее заменяющую⁵⁵.

Несмотря на хронологическое несовпадение принесения чудотворной иконы в Москву и противостояния русского и татарского войска на Угре, эти два события, несомненно, связаны между собой. В тот самый день, 23 июня 1480 года, когда икону встречали в Москве, Иван III выступил с войском на Коломну, получив раньше известие о движении татар⁵⁶. За иконой послали в ожидании чуда, как это было в 1395 году. Чуда не произошло, и этим можно объяснить неожиданно насмешливый тон некоторых московских летописей в рассказе о событии 1480 года: «Тогда же бысть преславное чудо пресвятыя Богородица, и бе дивно тогда видети, едини от других бежаху, и никто же женяше. Егда отступиша сынове Руския от брега, тогда татарове страхом одержими побегоша, мняше, яко берег дают им Русь и хотят с ними битися, а наши мняху за собою реку прешедшу и побегоша на Кременец»⁵⁷. Не связан ли этот тон и с тем, что в Москве были свои чудотворные иконы Богоматери?

После 1480 года в Москве в Успенском соборе оказалось сразу две чудотворные иконы Владимирской Богоматери: оригинал XII века и копия 1395 года. Первое время это никак не сказалось на процессе копирования: до начала XVI века иконописцы как будто не замечают появления оригинала, продолжая делать списки с иконы 1395 года. Видимо, московская икона стала привычным образом «Владимирской», «чужая» икона вызывала даже некоторое недоверие. К тому же списки икон московской редакции, более многочисленные, всегда были под рукой.

Здесь могла сказаться и вторая причина. Как мы старались показать выше, московский мастер подверг довольно решительной переработке византийский оригинал Владимирской именно потому, что тот не вполне отвечал представлениям русских людей о богородичной иконе. В результате возник московский вариант Владимирской, который соответствовал господствующим вкусам настолько, что не ощущалась необходимость в его дальнейшей переработке. Нельзя сказать, что копию сознательно предпочитали оригиналу, но легко можно себе представить, что из двух копий предпочитали ту, которая ближе к московскому варианту. Вот почему копии московской редакции численно преобладают вплоть до конца XVI века, да и в XVII составляют значительную часть всех копий. По существу культ Владимирской был в значительной степени культом не византийской иконы, а московской копии ее.

Это была именно московская, а не владимирская копия. Наиболее заметное различие их состоит в положении ног младенца: только на владимирской копии ступни расположены на одном уровне. Эта особенность не встречается ни разу среди множества списков Владимирской, а также в изображениях чудотворной иконы в Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи конца XV века, Лицевом летописном своде второй половины XVI века и других изобразительных источниках⁵⁸. Уникальность владимирской копии заметила Л. А. Щенникова⁵⁹. Наличие в конце XIV — первой трети XV века большого количества копий «Владимирской», общим протографом которых является московская копия 1395 года⁶⁰, может служить дополнительным аргументом в пользу ранней датировки московской копии.

Первой копией древнейшей Владимирской, а не ее московского списка является дошедшая до нас икона из Успенского собора Московского Кремля с изображением на полях двенадцати праздников в небольших киотах с пятилопастными килевидными завершениями (воспроизведение

⁵⁵ Щенникова Л. А. Первая святыня Москвы и московских святителей // VII Международные Рождественские образовательные чтения. Церковные древности. Сборник докладов секции (28–29 января 1999 года). М., 1999. С. 77–78.

⁵⁶ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984. С. 86.

⁵⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 327–328. См. также: ПСРЛ. Пг., 1921. С. 200–201.

⁵⁸ Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Изд. ОЛДП. № СХVIII. Л. 200 об., 205 об., 222. См. также иллюстрации, приложенные к статье Л. А. Щенниковой «Чудотворная икона “Богоматерь Владимирская” как “Одигитрия евангелиста Луки”».

⁵⁹ Щенникова Л. А. Икона-список “Богоматерь Владимирская из Успенского собора города Владимира. С. 72.

⁶⁰ Там же.

чеканных праздников оклада Фотия) и святых (Илл. 8). На обороте ее изображен Голгофский крест с орудиями страстей, как и на обороте древнейшей Владимирской. Икону обычно датируют 1514 годом⁶¹. С появлением новой копии в Успенском соборе Кремля оказалось сразу три иконы Владимирской Богоматери: оригинал и две копии в размер оригинала. Об их размещении в XVII веке можно получить представление по описям собора⁶².

Опись начала XVII века описывает две иконы под названием «Богоматерь Владимирская» и одну под названием «Богоматерь Умиление». О первой «Владимирской» в описи говорится так: «...Против царских дверей анбон резной с празники, а у анбону образ пречистые Богородицы Владимирские в киоте, обложен серебром, оклад сканной, венец серебрян сканной же, а по полю у него празники, а в венце у пречистые Богородицы и у младенца 3 яхонта лазоревы, да изумруд, да 2 лала, да 2 хрустала на красках, обнизаны венец и образ пречистые Богородицы жемчугом; да у того же образа приклад цата серебряна переломлена да 3 запаны серебряны ж золочены сканные с камнем, обнизаны цата и запаны жемчугом, а в цате и в запанах камень...; да у того ж образа у пречистые Богородицы убрисец низан мелким жемчугом с камнем...; а на нижнем поле у того образа подпись на серебре Симона митрополита резная с чернью; да у того ж образа пелена...; а киот у того образа деревяной, обложен оловом с подзоры...» (Стб. 309—310).

Вслед за этим идет описание иконы «Богоматерь Умиление»: «Да у того ж амбону образ пречистые Богородицы Умиление в киоте ж, обложен золотом, оклад басменной, а на окладе на верху выбит деисус, да на окладе же на нижнем поле на углу поделка оклад серебрян, да на верхнем поле поверх деисуса кайма серебряна; а венец у пречистой Богородицы и у Младенца золот басменной, а в венце камня яхонт лазорев росшибен, да изумруд, да 3 винисы, да хрусталь, да камень льяной зелен, да у того ж образа прикладу цата серебряна сканная, а в ней вставка жемчужная, да 4 виниски, да у той же цаты 3 запаны золоты, а в них камень 5 винис, да вставки жемчужные, да 6 камней галочных все в гнездах, да 8 гривен витых золоты, да 5 гривен серебряны. Да у того ж образа атлас серебрян с травами... А киот у того образа деревяной, обложен оловом с подзоры...» (Стб. 310—311).

Наконец, в жертвеннике алтаря еще одна «Владимирская»: «Образ пречистые Богородицы Владимирские писма Симана митрополита, обложен медью» (Стб. 328).

Те же три иконы находим в описи 1627 года. Первая названа более определенно: «Образ пречистые Богородицы Владимирские, писмо евангелиста Луки». На этот раз она помещена в другой киот со створками, украшенный драгоценными камнями и литыми изображениями Благовещения и евангелистов. Оклад описан так: «...Оплечье и венец и коруна и по полям 12 праздников золотых, и меж праздников по полям обложено золотом же сканью с финифтом...» Далее в описи важное замечание: «А в прежней росписи [т. е. в описи 1621 года — И. К.] оклад и венцы и репы написаны серебряны» (Стб. 374—378). Таким образом, приведенное выше описание иконы в описи начала XVII века относится к иконе XII века в окладе Фотия, а указание на подпись митрополита Симона — ошибка писца: речь идет о подписи митрополита Фотия.

На правой стороне амвона, где прежде находилась «Богоматерь Умиление», теперь стоит «Образ пречистые Богородицы Владимирские, по полям Празники, венец и оплечье и по полям обложен серебром сканью...» (Стб. 422).

«Умиление», которое в начале XVII века здесь находилось, переместилось в жертвенник, где прежде находилась «Владимирская» митрополита Симона в медном окладе. «Умиление» теперь именуется «Владимирской»: «Образ пречистые Богородицы Владимирские в киоте, обложен серебром, по полям Святые, венец и коруна сканные...» (Стб. 436). Точно так же она описана в описи 1638 года (Стб. 519). Поскольку прежней иконы в жертвеннике уже нет, возникает

⁶¹ Богоматерь Владимирская. К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года. Сборник материалов. Каталог выставки. № 7.

⁶² Русская историческая библиотека. СПб., 1876. Т. III. С.

предположение, что именно она оказалась на амвоне, поменявшись местами с иконой с деисусом на верхнем поле. В таком случае икона митрополита Симона имела изображение праздников на полях.

Опись 1701 года застаёт икону XII века «писма Апостола и Евангелиста Луки» по левую сторону царских врат и северных алтарных дверей (Стб. 575–584).

«Владимирская» в киоте со святыми на полях находится на прежнем месте — в жертвеннике. Теперь она описана более подробно: «В середине против жертвенника образ пресвятыя Богородицы Владимирские с широкими полями; венец, а по нем 6 дробниц чашечками, гладких, и оплечье и поле стороннее и исподнее басемные, а верхнее поле гладкое, а на нем вычеканены образы деисусные, стоящая: Спасов, Богородичной, Предтечев, Архангелов Михаила, Гавриила, да Апостолов Петра и Павла, все золотое, а в вышеписанных дробницах каменьев яхонт лазоревой, изумруд, бирюза, 2 винисы, хрусталь» (Стб. 673).

Икона с праздниками на полях оказывается в приделе Петра и Павла: «Образ пресвятыя Богородицы Владимирския, по полям кругом писаны Празники Господския, а меж Празников писаны разные святые; по полям и около празников и святых кругом оклад и оплечки и у Богородична образа венец и оплечки сканные серебряные позолочены, круг венца сияние чеканное позолочено...» (Стб. 845–846).

Итак, описи фиксируют в XVII веке три иконы Владимирской Богоматери: оригинал и две копии. Оригиналу сначала находилась на амвоне против царских врат, а между 1627 и 1701 годом (скорее всего, после сооружения иконостаса 1653 года) был помещен в местный ряд иконостаса. Копия 1395 года находилась сначала на амвоне рядом с оригиналом, между 1609–1611⁶³ и 1627 годом была перенесена в жертвенник, где находилась вплоть до XIX века. То обстоятельство, что в описи 1627 года ее оклад назван серебряным, а не золотым, не должно нас смущать: уже опись начала века фиксирует на окладе вставки серебряной басмы. Копия с праздниками на полях не имела постоянного места: описи застают ее то в жертвеннике, то на амвоне рядом с оригиналом, то в приделе Петра и Павла. В начале века на ней медный оклад, начиная с 1627 года — серебряный.

«Владимирская» 1395 года упоминается в XVII веке в Уставе церковных обрядов Успенского собора под названием «образ запрестольный меншой»⁶⁴. Икона с праздниками не имела специального названия, ее именовали «меншая, что в приделе Петра и Павла»: «...А икону Владимирской носили в ход, что в приделе стоит у Петра и Павла, а большия иконы не носили для того, что был дождь, и верховых икон для тогож не носили» (23 июня 1687 г.)⁶⁵. Эта икона имеет размер оригинала и живописное изображение его оклада, что указывает на ее роль «заместительницы». О назначении иконы свидетельствует само название ее «запасной», которое донесли до нас источники XIX века⁶⁶.

⁶³ Так датируется опись Успенского собора начала XVII века. См.: *Борисова Т. С.* О датировке древнейшей из сохранившихся описей Успенского собора // *Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования.* С. 246–259.

⁶⁴ В Уставе 1668 года: «...а как Государь знаменовая у Владимирския в начало молебна, вынимают образ Владимирския, и ставят в начале верховых икон, а запрестольная и кресты ставятся назади болших икон...» (*Древняя Российская вивлиофика.* М., 1789. Ч. X. С. 321). В Уставе 1634 года: «Пречистые Богородицы образ запрестольной меншой носят на Пасху» (*РИБ.* СПб., 1876. Т. III. Стб. 121).

⁶⁵ *Древняя Российская вивлиофика.* Ч. X. М., 1789. С. 323.

⁶⁶ *Снегирев И. М.* Успенский собор в Москве. Издание Николая Мартынова. Текст И. М. Снегирева. М., 1859. С. 27–28. (Указывая на местонахождение иконы в Петропавловском приделе и ее связь с митрополитом Синомом, автор имеет в виду икону с праздниками. Однако ошибочное замечание о наличии на ней золотого оклада позволяет думать, что автор имел в виду копию 1395 года — *И. К.*) *Истомин Гр.* Указатель святынь и достопримечательностей московского Большого Успенского собора. Изд. 3. М., 1897. С. 40. В последнем издании при описании Петропавловского придела говорится: «...Над гробницею св. Феогноста образ Владимирской Богоматери, точный список с подлинной, сделанный митрополитом Синомом; известен под именем “запасного”, потому что в прежнее время в ненастную погоду его носили в крестных ходах вместо настоящего, а ныне поставляют на место последнего, поднимаемого в крестные ходы». В своем докладе 1981 года я уже обращал внимание на то, что название “запасной” отнесено к иконе 1395 г. В. И. Антоновой ошибочно. Независимо от меня к такому же выводу пришла Л. А. Щенникова (*Щенникова Л. А.* Почитание чудотворной Владимирской иконы Богоматери в эпоху Дионисия и его последователей. С. 159).

Ее обычно датируют 1514 годом, когда при митрополите Варлааме чудотворная икона была поновлена и для нее соорудили новый богатый киот⁶⁷. Однако об изготовлении тогда же копии источники умалчивают. Опись начала XVII века на неизвестном основании связывает икону с митрополитом Симоном (1495–1511). Правда, та же опись, как уже сказано, на основании ошибочного прочтения греческой надписи с именем митрополита Фотия приписывает Симону также оклад древнейшей «Владимирской»⁶⁸, однако ошибка в одном случае не обязательно означает ложность и второго сообщения. К тому же трудно себе представить, чтобы составитель описи без всяких оснований приписал митрополиту ничем не примечательную икону в медном окладе.

Можно привести еще один косвенный аргумент в пользу достоверности сообщения о изготовлении иконы при митрополите Симоне. В описи XVII века хранилища при Московском дворце, опубликованной А. И. Успенским⁶⁹, упоминаются «застенки» чтимых икон кремлевских соборов. (Застенок — «настенная пелена, на которой укрепляется икона». См.: Словарь русского языка XI–XVII в.). Среди них застенки: «Пречистые Богородицы Феофановской», «Пречистые Богородицы Удивление стоящей Пиминовские», «Пречистые Рублева писма», «Пречистой Симоновское». Поскольку все эти иконы, кроме Симоновской, в соборных описях не упоминаются, опись хранилища можно считать вторым независимым источником сведений об иконе митрополита Симона. Упоминание дошедшей до нас «Пименовской» подтверждает достоверность источника. «Феофановская» — это, возможно, «Донская»⁷⁰, «Рублева писма» — «Владимирская» 1395 г.⁷¹, а «Симоновская» — «Владимирская» с праздниками на полях.

С другой стороны, близкое сходство «запасной» Владимирской с оригиналом в том его виде, который тот приобрел после реставрации 1514 года, препятствует датировке иконы временем митрополита Симона. На это справедливо указала Л. А. Щенникова⁷². Возражая ей, можно только заметить, что мы не знаем, насколько изменился рисунок иконы в результате реставрации.

В 1518 году из Успенского собора во Владимире в Москву были привезены «обветшавшие от многих молитв» иконы Спаса Вседержителя и Богоматери. В палатах митрополита иконы поновили, после чего икона Богоматери была 15 сентября 1519 года отправлена обратно во Владимир вместе с тремя копиями⁷³. Как мы знаем, во Владимире находилась копия, выполненная около 1410 года и принадлежащая к московской редакции Владимирской. Следовательно, изготовленные в Москве копии тоже должны были принадлежать к той же редакции. Однако есть основания полагать, что тем не менее копии эти были сделаны с оригинала. Надпись на иконе Владимирской Богоматери из Софийской церкви в Москве утверждает, что икона написана в 1697 году с копии, выполненной в 1519 году⁷⁴. Между тем икона 1697 года имеет композицию древнейшей (Илл. 9).

⁶⁷ Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979. С. 49.

⁶⁸ Л. А. Щенникова ошибочно относит это место описи к иконе начала XVI века с праздниками на полях. См.: Щенникова Л. А. Две иконы-наместницы чудотворного «Владимирского» образа Богоматери в Успенском соборе Московского Кремля С. 198–200.

⁶⁹ Успенский А. И. Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII веке. М., 1902. С. 67–68.

⁷⁰ Кочетков И. А. Является ли икона «Богоматерь Донская» памятником Куликовской битвы? // Древнерусское искусство. XIV–XV в. М., 1984. С. 40.

⁷¹ Антонова В. И. Раннее произведение Андрея Рублева в Московском Кремле С. 21–25.

⁷² Щенникова Л. А. Две иконы-наместницы чудотворного «Владимирского» образа Богоматери в Успенском соборе Московского Кремля С. 195.

⁷³ А. И. Анисимов приводит текст из Церковного устава Синодальной библиотеки: «Лета 7028 месяца сентября в 15 день проводили Владимирскую Пречистую 4 иконы в Володимер и поставили церковь древяну на поле, а провожала Пречистая Владимирская и Вознесенская» (Анисимов А. И. Владимирская икона Божией Матери С. 49). О проводах икон см. также: Владимирский летописец (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30) С. 144. Аргументы в пользу того, что в Москву приносили чтимый список «Владимирской» см.: Щенникова Л. А. Икона-список «Богоматерь Владимирская» из Успенского собора города Владимира. С. 68.

⁷⁴ «Благоволением Творца всяких Господа нашего Иисуса Христа и милостивым благоволением же Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии написан сей образ в лето бытия мира 7205 (1697) с существеннаго Богородичнаго образа меры и всего подобия с письма евангелиста Луки, что ныне стоит в соборной церкви ея Успения в богоспасаемом и преименитом царствующем граде Москве. Труды иконнаго сего писания священника Иоанна Михайлова сына. Снято подобие с образа ея, что писано в лето 7027 (1519) при преосвященнейшем Варлааме, митрополите Московском и всея России. В то время Богородичная

Обращает на себя внимание количество копий. По-видимому, иконы предназначались для приходских церквей Владимирского края, может быть, для церквей в честь Богородицы. Едва ли будет смелым предположение, что одновременно какое-то количество копий было сделано для Москвы и, может быть, других городов. Во всяком случае, икона 1697 года была написана с какой-то копии 1519 года, находящейся в Москве. Массовое изготовление копий древнейшей Владимирской в 1519 году можно объяснить тем, что при поновлении ее церковные власти обратили внимание на расхождения в рисунке между оригиналом и многими копиями и путем распространения достоверных образцов попытались унифицировать иконографию чудотворной иконы. Судя по надписи на иконе 1697 года, копии 1519 года были сделаны в размер оригинала, что свидетельствует об особом значении, которое им придавалось.

Сохранилась ли хоть одна копия Владимирской 1519 года? На эту роль может претендовать только икона суздальского Покровского собора. Она имеет иконографию оригинала, близкий к нему размер (96 x 69 см., оригинал — 104 x 69 см.), на обороте ее изображен Голгофский крест, а на окладе — чеканные изображения праздников, воспроизводящие праздники фотиевского оклада оригинала (без передачи их иконографии, как это было и при воспроизведении оклада на иконе с праздниками). Местонахождение копии в Суздале, да еще в храме Богородицы, подтверждает высказанное предположение⁷⁵. Итак, одна из трех копий 1519 предназначалась, по всей вероятности, для только что построенного собора Покровского монастыря. (1510—1518 г.). Иконографически она следует оригиналу.

Как можно понять из надписи на иконе 1697 года, на время отсутствия во Владимире местной святыни туда была отправлена из Москвы Владимирская XII века. В таком случае копии Владимирской писались тогда, когда оригинал в Москве отсутствовал. Каким образом руководствовались копиисты?

В Москве не было другой иконы «в меру и подобие», кроме иконы с праздниками. Возможно, как считает Л. А. Щенникова, она была создана специально для того, чтобы заменить в Москве чудотворную икону ввиду предстоящей отправки ее во Владимир⁷⁶. Проводы копий во Владимир 15 сентября 1519 года — первый шаг центральной власти по утверждению «правильной» иконографии «Владимирской». Однако привычка берет свое, и почти все иконы Владимирской вплоть до конца XVI века принадлежат к московской редакции, значительно отличаясь от оригинала.

Илл. 9. Богородица Владимирская. 1697 г.

икона, что письма евангелиста Луки, благоволила образу своему быть во граде Владимире” (Анисимов А. И. Владимирская икона Божией Матери. С. 48-49). Икона в настоящее время находится в ГТГ (Антонова В. И. Мневна. К 600-летию Сретения иконы Богородицы Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года. Сборник материалов. Каталог выставки. № 774). Встает вопрос: откуда иконописец конца XVII века мог знать о событиях 1519 года? Вероятно, из надписи на иконе-образце.

⁷⁵ ВСИАМЗ. Инв. СМ-28. 96 x 69. Из Покровского монастыря в Суздале. Датируется началом XVI века, как и оклад (Русское прикладное искусство XIII—начала XX в. Из собрания Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Автор-составитель Н. Трофимова. М., 1982. Кат. 72). Это предположение было высказано мною в докладе 1981 года. В последнее время к нему независимо от меня пришла Л. А. Щенникова (Щенникова Л. А. Прославление чудотворной Владимирской иконы Богородицы в XVI веке: сказания и чтимые списки. С. 99).

⁷⁶ Щенникова Л. А. Чудотворная икона “Богородица Владимирская” как “Одигитрия евангелиста Луки” С. 270—271.